

БМ-104
Л/104

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ (к протоколу от 21.02.55 года)

РОЗЕНБЛЮМ Александра Моисеевича от 9.11.1955 года.

В процессе разбора в Военной Прокуратуре материалов о преступной деятельности органов НКВД в период т.н. ежевицами, посланных мною в ЦК партии и переданных ЦК на расследование Главной Военной Прокуратуре, я столкнулся со следующим обстоятельством: о ком бы из пострадавших ни шел разговор, независимо от того, что ложность обвинения совершенно очевидна и бесспорен сам факт подтасовки и фабрикации этих обвинений, все же неизменно ставится вопрос: "А не принадлежало ли данное лицо к так называемому Ленинградскому террористическому и вредительскому шпионскому центру. Знаете ли Вы что либо о существовании этого центра и вообще существовал ли подобный центр?"

Аналогичные вопросы мне были заданы подполковником юстиции помощником военного прокурора ЛенВО тов. Чикутовым относительно террористического центра на Октябрьской железной дороге, а подполковником юстиции пом. военного прокурора ЛенВО тов. Разумовым в отношении Ленинградского террористического центра.

Из показаний, данных мною тов. Чикутову 24 декабря 1954 г. и тов. Разумову 21.11.1955 г., в особенности из моих материалов, поступивших в Главную Военную прокуратуру, со всей очевидностью вытекает вполне определенный ответ на этот вопрос, а именно: центр этот - организация милицейская, плод шантажа органов НКВД, осуществленного путем фабрикации ложных показаний, добывших применением избиений, угроз и пыток.

Этот вопрос в моих материалах не был освещен отдельно, т.к. я полагал, что указанный вывод сам по себе вытекает из всех приведенных мной бесчисленных фактов о деятельности органов НКВД, кстати никем не опровергнутых с 1939 года.

Однако, поскольку вопрос об этом "центре", хотя бы и формально, уже возникло необходимо и, повидимому, является некоторым процедурным преткновением на пути к разрешению ряда дел, искусственно припутанных "следствием" к этому "центру", я считаю необходимым отдельно осветить механизму фабрикации фальшивок по "делу" о так называемом "Ленинградском террористическом, вредительском, шпионском и диверсионном центре". Это я могу доказать на собственном "следственном" опыте".

Должен оговориться, что по существу затронутого вопроса о т.н. "центре" мне неизбежно придется повторить многое из того, что изложено уже в моих материалах, которые, как я понимаю не могут быть приняты прокуратурой как документы, ввиду того, что они оформлены в виде протоколов допроса свидетеля. Поэтому я готов дать подписку о том, что я предупрежден в порядке ст.ст. 92 и 95 УК об ответственности за дачу ложных пока-

заний с тем, что бы все имеющиеся в военной прокуратуре мои заявления и письма, начиная с 1939 года, рассматривались как мои собственноручные свидетельские показания. Тем более, что они в основном действительно повторяют мои собственноручные показания, данные мной в период окончания доследования по моему делу с 21 мая по 24 июня 1939 г.

В своем письме в ЦК партии от 10.II.1954 г. и в приложенных к нему материалах мое письмо на имя Л.М.Кагановича от 20.XI.-39г., копии моего заявления Военному Прокурору ЛенВО от 9.I.1940 г., копия моего письма в Ленинградский Городской Комитет ВКП/б/ от 9.II.1941 г. и других моих показаний и заявлениях, поданных в свое время на имя разных лиц и организаций, я уже привел не мало фактов и неопровергимых доказательств, свидетельствующих о том, что в органах НКВД, в течении длительного периода преступно фабриковались ложные "показания" о шпионских, вредительских, диверсионных, террористических и прочих действиях ни в чем неповинных людей и о принадлежности их к различным выдуманным мифическим, шпионским, вредительским, диверсионным, террористическим организациям и "центрам".

Лично меня в течении первых 3-4 месяцев заключения "следствие" в лице капитана Брозголь, ст.лейтенанта Васильца, лейтенанта Савельева, Хатунцева, сержантов Гальперина, Абрамова и др. муштровало на предмет вовлечения меня в террористический, вредительский, шпионский и диверсионно-транспортный центр / на Октябрьской железной дороге/. Этот "центр" на Октябрьской железной дороге по замыслу его авторов должен был явиться с одной стороны ответвлением от "центра" НКВС, а с другой стороны - ответвлением Ленинградского центра.

Как это все фабриковалось и какие именно фальшивки этой шайкой были заготовлены, с достаточной подробностью изложено в моих материалах, имеющихся в военной прокуратуре. При этом хочу обратить внимание на следующие два обстоятельства:

- a/ Различные варианты фальшивок эта банды сочинила в моем присутствии. Из этого можно вывести заключение, насколько безответственный, безконтрольной и недосягаемой чувствовали себя эти авантюристы и насколько ~~никакими~~ уверены они были в полной обреченности попавших к ним в руки подследственных;
- b/ "Показания" выколачивались "следствием" не только против подследственных, но и против осужденных и даже уже расстрелянных. Так, например, у меня эта шайка добивалась показаний против Фисуненко, Варулина, Пантихина, Бреннера, расстрелянных еще задолго до моего ареста по делу о террористической деятельности на железной дороге. Точно также "следствие" пыталось выколачивать у меня показания против расстрелянного уже Светикова, как участника "Ленинградского центра" и против других лиц. Причем в отношении Фисуненко и Светикова "следствие" усилиями добивалось моих "показаний" о том, что

именно я их завербовал - Светикова в Ленинградский террористический центр, а Фисуненко в трансп. террористич. центр. Из этого надо сделать прямой вывод, что обвинение против этих лиц было настолько бес почвенным, рыхлым и шатким, что "следствие" понадобилось уже после их осуждения к высшей мере наказания / и приведения приговора в исполнение/ всяческими нечистыми путями на всякий случай дополнить обвинительный материал против них. С подобной "практикой" я на протяжении "следствия" по моему "делу" сталкивался неоднократно. И уже одно это достаточно красноречиво говорит о качестве следственных материалов и заодно о достоинстве решений Военной Коллегии и / спровоцирования сказать/ прокурорского надзора по этим делам.

В тот период "следствия", о котором я говорил выше, т.е. в 20-х числах декабря 1937 г., я по соображениям "следствия" уже в нужной степени был обработан и подготовлен для подписания фальшивок. Действительно к тому времени я уже неоднократно был подвергнут всем практиковавшимся здесь зверским методам физического воздействия и прошел через всю систему гнусного фашистского "морального" воздействия. Когда, кроме всего этого, я длительной стоянкой - уже более 10-12 суток, пытками бессоницей, жаждой и пр. был доведен до состояния полного бессилия и частой потери сознания, в кабинет, где я находился на "допросе", кроме моих основных "следователей" - Хатунцева, Абрамова и Гальперина и т.н. дежурных забийщиков, стали приходить какие то новые лица в Форме и без формы. Впоследствии я узнал, что это были: Шапиро - зам. Заковского, лейтенант Карпов, лейтенант Федоров, Апраксин и др., фамилии которых мне не удалось узнать. Карпов, Федоров и Апраксин принесли какие то папки, а Шапиро вместе с Васильцом, Хатунцевым и Гальпериным после этого долгое время что то комбинировали, не считаясь с моим присутствием, хотя все эти "комбинации" явно касались меня и моего "дела".

После этого в последующие дни начался сильнейший нахим на меня. Не на этот раз я уже оказался изобличенным новыми "показаниями" / читай новыми фальшивками, сфабрикованными Карповым, Апраксиным, Федоровым и др.жуликами/ в принадлежности и в активном участии в Ленинградскому террористическому и т.п. центру. И мне остается только одно - полностью разоблачить себя и всех "известных мне участников "центра" и подтвердить уже вскрытые следствием данные о шпионской, вредительской, диверсионной и террористической деятельности этого "центра". После этой стадии "допроса" я был доведен до такого состояния, что уже самостоятельно передвигаться не мог и ~~многих~~ очутился в камере лишь спустя много времени. В следующий раз ночью в кабинете, где происходил "допрос", пришел начальник транспортного отдела капитан Брозоль и вел меня в кабинет начальника Управления НКВД Заковского, где кроме последнего находился известный мне уже его заместитель Шапиро. Меня для предосторожности усадили на стул у

входа в кабинет поодаль от стола, т.к. я был очень грязный, оберванный и вшивый. Со дня ареста, уже 4-й месяц, я еще не был в бане, не получил белья, не был пострижен, не брит, валялся на грязном полу без подстилки, что впрочем уже считалось в тех условиях большой привилегией.

Первые недели заключения в общей камере я ведь днем и ночью проводил стоя ввиду перегруженности камеры больше, чем в 10-15 раз против нормального. Когда меня ввели в приемную Заковского, я заметил, что из кабинета вывели одного из бывших секретарей обкома партии Низовцева, который был побрит и одет довольно опрятно, хотя и выглядел сильно измученным. Этот презентабельный вид Низовцева, который, как я знал, был арестован значительно раньше моего, меня вначале удивил, но после разговора со мной Заковского я понял в чем дело.

Заковский очень "любезно" со мной поздоровался и вообще всю "беседу" вел в очень теплых тонах. Он крайне пожалел о том, что видит меня в таком безобразном состоянии, сделал выговор капитану Брозголю за то, что тот не умеет работать с такими хорошими людьми как я, что в этих отделах установился один шаблон для всех, дескать, признай себя участником контрреволюционной организации и баста. Между тем у НКВД в отношении ко мне имеются совсем другие расчеты. Он, Заковский, не собирается меня делать непосредственным, активным участником какой либо антисоветской организации. Поэтому он предлагает Брозголю изъять из моего следственного дела все имеющиеся там протоколы допросов, тем более, что они мной не подписаны. Пожалуй, говорит он, я правильно поступил, незачем на себя зря кленять и подписывать всякую небылицу.

После этого иезуитского вступления Заковский сказал, что я должен понимать, что отсюда, т.е. из тюрьмы НКВД никто на волю, конечно, не выходит. Борьбу со следствием вести глупо. Все равно сломает любое сопротивление. Для этого у нас имеются все средства, а у вашего брата единственный путь: пожаловаться на нас на том свете. Как видишь, шансы далеко не равные. Поэтому те все у нас подписывают все, многие даже не читая. И ты рано или поздно подпишешь все, что нужно следствию. Однако НКВД предлагает тебе другой вариант и этим можешь, во-первых, сохранить голову, и, во-вторых, сразу же перейти на другой тюремный режим в чистой одиночке с койкой, с матрацом, подушкой, одеялом, простыней, полотенцем, с книгами, сытым вкусным питанием, с выпивкой, баней, парикмахерской, одеждой и бельем, а главное без рукоприкладства, стоянок и других прелестей на допросах. Ведь имеется группа заключенных, с которой НКВД работает только днем и без всякого насилия, поскольку эти люди - неглупые люди, кто раньше, а кто позже, поняли, что всякое сопротивление следствию совершенно бесполезно, это даже не глас вопиющего в пустыне. Возьми, например, Низовцева, - он не глупее твоего и, однако, он пишет и подписывает все, что мы ему

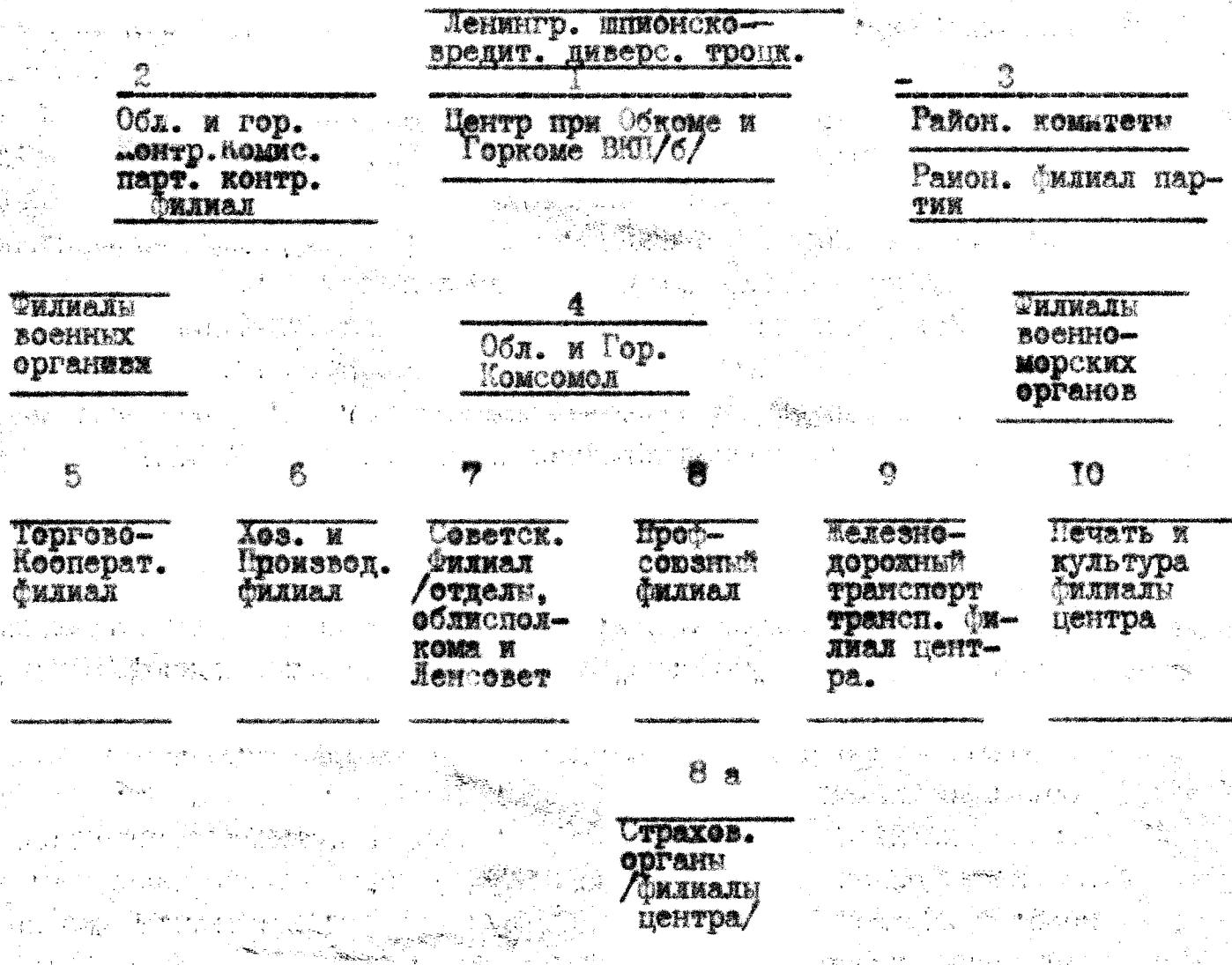
предлагаем без всякого сопротивления. На очных ставках он подтверждает все, что ему им говорят следователи. И, конечно, мы у него не оставляем в долгу. НКВД таких людей ценит. Если ты станешь на этот путь, не покалеешь об этом.

Что же от меня для этого требовалось?

Согласиться быть свидетелем по фабрикованному НКВД "делу" о Ленинградском вредительском, шпионском, диверсионном, террористическом центре /впоследствии получившем еще название: "Бухаринским право-тоцкистским Ленинградским центром"; для краткости он был назван Ленинградским террористическим центром/.

Для наглядности Заковский развернул передо мной несколько вариантов предлагаемых схем этого центра и его ответвлений.

Вот, например, одна из схем:

Ознакомив меня с этими схемами, Заковский сказал, что НКВД готовит дело об этом центре, причем процесс будет открытый.

Будет предана суду головка этого центра 4-5 человек: Чудов, Угаров, Смородин, Позери, Шапошникова и др. и от каждого филиала по 2-3 чел., например от советского - Кодакий, Комаров Ф., Ницкая, Кокешко и от страхкассы - Лискинер, от хозорганов Жуков Иван Павлович, Лобов, Свети-

ков, Неманов, Завальнер, Цвибель, Иванов Абр. и др., от кооперации и торговли Серганин, Михельман, Зимин, Нахемова и др., от комсомола - Вайшия, Мартынова, Уткин и др., от контрольных органов - Богданов Михаил, Лазуркину, Ожерова, Грибова, Сарова, Кирика и др., от район. филиалов - Алексеева Ив., Рымман, Волцина, Иванова Филиппа, Каспарова, Соболева, Шульмана, Освенского, Бхачеву и др. Транспортный филиал будет выделен в отдельное дело, по которому пройдут - Синев, Ледник, Перепечко, Чаплин, Усачев, Фисуненко, Розенблум, Вишневский, Сонкин, Николаев Денис, Дурмашкин, Черняк И., Бородулина, Марголин, Шутов, Магдин, Ильин, Максимов, Озеров, Пашенцев, Соломонник, Дятлов, Савельев, Вадашев, Требелев и др. От печати и культуры - Белицкий, Баузе, Рафайлов, Сиркин, Лазуркин и др.

При условии, если я соглашусь стать свидетелем по делу о Ленинградском центре, я буду вычеркнут из дела транспортного филиала и вообще мое "дело" будет изъято из транспортного отдела НКВД, где, как мне должно быть известно, на меня уже закончено и мне уже плотно "пришито" террористическое дело - подготовленный мною террористический акт против Жданова. В чем же смысл того, что меня решили перевести из обвиняемого в свидетели и похерить все сфабрикованные против меня обвинения по п.п. 8-II, ст. 58 УК?

На этот вопрос, который сам Заковский поставил, он дал следующий ответ: дело о Лен.центре должно быть солидно. А здесь решающее значение имеют свидетели. Тут играет немаловажную роль и общественное положение / в прошлом конечно/ и партийный стаж свидетеля, а также его осведомленность о деятельности той организации, которой руководил тот или иной подсудимый. Ты, дядя Саша,/так фамильярно обратился ко мне Заковский/ в разное время входил в руководство всех организаций, обозначенных на схеме в виде филиалов центра, а именно: был членом президиума Облпрофсовета, членом президиума и партколлегии Обл.КК, членом президиума Ленсовета и Облисполкома, членом президиума Облсовнархоза, членом Облплана, членом правления ЛСПО и Севзапсоюза, членом редколлегии "Лен. правды", редактором журнала Облпрофсовета, членом ряда райкомов партии, членом президиума Облстражкассы, начальником политотдела на транспорте и т.п. Особенно важно, что ты член партии с 1906 г. Выступление на процессе таких свидетелей, а мы готовим еще несколько таких, обеспечит полный успех дела на суде. Самому тебе ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому филиалу в отдельности, - твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задать на суде. Дело это будет готовиться 4-5 месяцев, а то и полгода. Все это время будешь готовиться, чтобы не подвести следствие и себя. От хода и исхода суда будет зависеть

дальнейшая твоя учесть. Сдрейфии и начнеш фальшивить - пеший на себя. Выдержишь - сохранишь кочан / голову т.е./, комить и одевать будем до смерти на казенный счет.

Ступай в камеру и подумай для два, потом вызову.

Через два дня на допрос опять явился Шапиро, распорядился снять меня со стойки, дать мне столик и стул и велел мне ознакомиться с "макетом" дела о Ленинградском центре.

Как ни противно было читать эту бессвязную галиматью, сфабрикованную по материалам нескольких десятков фальшивок, приложенных к "макету", я все же преодолел эту следственную блевотину, от каждой строчки которой отдавале ложью и шантажем. Все, что было честного, деятельного в Ленинградских организациях - партийных, хозяйственных, общественных за последние 10-15 лет - все это оплевано и загажено в этих фальшивках и изображено в виде сплошной враждебной работы против партии и советской власти. По этому "макету" выходило, что все эти годы все помыслы и все устремления руководителей ленинградских организаций - партийных, комсомольских, профсоюзных, советских, кооперативных были направлены к одной цели - к вредительству, шпионажу, диверсиям и к совершению террористических актов, причем все терракты готовились против одного лица - против А.А.Хданова. Я уже имел случай сообщить, что только в двух общих камерах № 24 и 25 только в один день было подсчитано оформленных "следствием" свыше 60-ти террористических групп, готовивших террористические покушения против Хданова.

Как известно, материалы об этом "Ленинградском центре" оказались настолько липовыми, что при всей нетребовательности, неразборчивости в следственных материалах Военной Коллегии и при всей податливости Прокуратуры в этот период, НКВД не решился ставить не только открытый, но и закрытый процесс. Это, однако, не помешало множеству ни в чем не повинных людей припутать к этому мифическому центру и осудить их по приговору военного суда или особою совещания при НКВД.

Что касается так называемых свидетелей по делу об этом центре, то, повидимому, НКВД с ними не повезло так же, как не повезло со мной.

После ознакомления с "макетом" дела НКВД я через несколько дней снова был приведен к Заковскому. Когда я ему заявил, что я с отвращением прочел эту фашистскую блевотину и что я ни в какие сделки с его шайкой вступать не намерен, Заковский посоветовал мне не торопиться с отказом, т.к. у него имеется ко мне еще такой ключ, который заставит меня задуматься. Тут он изложил "план", который я уже слыхал от "следователя" мазурика Гальперина, объявить меня провокатором, т.е. если я откажусь выступить свидетелем по "Лен. Центру", сообщить на волю, будто по моим собственноручным показаниям я в таком то году / год будет подобран/, находясь в царской тюрьме /тюрьма будет подоб-

рана/, купил у хандармов свободу ценой выдачи ряда лиц, фамилии, которых будут подобраны."Нам поверят, а ты где будешь себя реабилитировать, разве на том свете? Подумай, дядя Саша. Неужели лучше прослыть провокатором, чем выступить свидетелем? Подумай."

Вот лицо этих деятелей государственной безопасности, в грязные и преступные руки которых была отдана жизнь, судьба, партийная и гражданская честь множества лучших людей партии и страны и объявленных врагами народа этой бандой преступников .

Как все это оформлялось - видно из моих материалов.

Причем все это мною было послано в различные организации, когда трудно было расчитывать на положительные результаты, скорее наоборот, однако ни один из приведенных мною фактов никем не был опровергнут, начиная с 1939 года. И это не смотря на то, что я предупреждал, что я готов предстать перед самым строгим судом и подтвердить документами и фактами каждое сказанное мной слово. И если хотя бы один факт окажется неверным, пусть я буду заклеймен клеветником и подвергнут самому суровому наказанию. Никто, однако, меня не опровергал, никто меня ни о чем не спрашивал, если не считать вызовов в "большой дом" и в Горком для предупреждения о том, чтобы я перестал заниматься "писаниной", если не желаю повторить пройденного.

Подобное положение по моему глубокому убеждению имело место потому, что органы прокуратуры, начиная с прокуратуры СССР, находились не на должной высоте и своим слепым доверием органам НКВД фактически потворствовали преступной деятельности этих органов.

При мало-мальски добросовестном отношении к делу работников прокуратуры виновники фабрикации подобных "дел" были бы отданы под суд, а ни в чем не повинные люди были бы освобождены и реабилитированы еще тогда. Разве я тогда не писал, что если пересмотреть дела, инспирированные этими преступниками, то получается те же результаты, что и с моим делом и, таким образом, будет снято позорное клеймо врага народа со многих ни в чем не повинных людей. Что я был прав - это видно из того факта, что ряд лиц о которых я писал тогда, теперь, правда с опозданием на 16-17 лет, реабилитированы, возвращены из лагерей и ссылки, как, например, т.т. Лазуркина Д.А., Рыман М.К. и др.

Я убежден в том, что процесс реабилитации ни в чем неповинных людей и их возвращение на волю шел бы куда быстрее, если бы до сих пор не находились на работе в органах государственной безопасности и МВД многие из виновников тех преступлений, которые совершались в этих органах. Мне известно, что такие преступники, изврившие чудовищные издевательства над людьми, авторы бесчисленного множества фальшивок о всяких "цензах" и проч., вроде Карпова, Галкина, Гальперина, Апраксина,

Латунцева и др. до сего времени работают в этих органах. Разница только в том, что раньше они были сержантами и лейтенантами, а теперь они майоры / вроде хулики Гальперина/ и подковники /вроде мерзанцев-палачей Галкина, Карпова идр./.

И уже писал в ЦК партии и теперь настаиваю на том, что до тех пор, пока эти преступные элементы будут находиться в органах госбезопасности и т.д., как бы они не перекраивались, они изподтишка будут тормозить работу по оздоровлению этих органов и реабилитации пострадавших от их преступной работы ни в чем неповинных людей.

Более того: если бы работа по очищению этих органов от преступных элементов проводилась бы более энергично, вероятно, ни мне и, возможно, и другим не приходилось бы и еще раз заниматься в какой уже раз такой излишней работой, как еще раз доказывать то, что совершенно ясно и очевидно и доказано уже сотнями фактов, т.е. что Ленинградский шпионский, вредительский, диверсионный и террористический центр, по делу которого репрессировано и осуждено множество невинных людей, – это, еще раз подтверждаю, мифическая организация, сфабрикованная авантюристами из Ленинградского НКВД Заковским, Шапиро, Брагином, Рошальем, Карповым, Галкиным, Латунцевым, Апраксиним, Гальпериным, Васильевым, Козловым, Федоровым, Савельевым, Драницким и т.д. и т.д.

9 апреля 1960 г.

/Розенблом/

допросил: пом. военн. прокурора ЛенВО подполковник

Абрамов
Апраксин
Березко
Богданов
Бровголь
Бутыкин
Василец
Галкин
Гальперин
Гусев
Драницин
Евсеев
Ельмин
Ефимов
Иванющенко

Ильющенко
Карпов
Коган
Козлов
Куксинский
Кулаков
Миркин
Рошаль
Савельев
Солянкин
Тихонов
Федоров
Чунтиков
Хамъко
Хатунцев

Циммерман